

СПЕЦИФИКА ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Психические процессы – что в них особенного?

Из экспериментальной психологии восприятия хорошо известно, что процесс формирования образа начинается с различения и далее идет через опознание к полному и адекватному восприятию данного объекта.

Также и историческое становление научных понятий начинается именно с их различения. Так, формирование и развитие понятия психического явления или процесса, естественно, начинается с различения психического и непсихического, т.е. с противопоставления сферы психических явлений всему многообразию остальной реальности, которая в эту сферу не включается.

Такое первичное различение и противопоставление психических процессов всем остальным функциям телесного аппарата, относимым к категории физиологических, и всем остальным физическим явлениям действительности по самому своему смыслу покоится на выделении исходной совокупности отличительных признаков, общих для всех процессов, относящихся к категории психических. Но выделение общих признаков любого психического процесса явилось не результатом обобщения понятий об отдельных конкретных психических процессах, таких как ощущение, восприятие, представление, мысль или эмоция, а эффектом противопоставления или отличия всякого психического процесса от всякого же процесса непсихического. Это именно различение, осуществляющееся по каким-то критическим, общим признакам. Очевидно, эти общие признаки любого психического процесса поддавались более или менее отчетливому распознаванию раньше, чем были выделены специфические характеристики, отличающие отдельные, конкретные психические процессы друг от друга: представление – от восприятия, мысль – от представления или эмоциональный процесс – от мыслительного.

В самом деле, по каким опознавательным признакам ощущение, волевой акт или нравственный порыв мы безошибочно относим к классу психических явлений, а мышечное сокращение или секрецию – к категории явлений физиологических? Начавшись с ответа на этот вопрос, научно-психологический анализ должен продвигаться далее по крутому и извилистому пути перехода от этого – первоначально по необходимости обобщенно схематического – эмпирического описания специфики психических процессов ко все более конкретному ее теоретическому объяснению.

Выделяясь своими специфическими признаками из всей совокупности физических (в широком смысле) явлений действительности, психические процессы противопоставляются в первую очередь ближайшей по отношению к ним пограничной области физических (в узком смысле) отправлений человеческого тела, т.е. физиологическим актам. Существо всякого физиологического отправления определяется прежде всего характером функционирования органа, которое ведет к реализации данного акта.

Естественно поэтому, что специфика основных критических признаков, по которым осуществляется первичное различие психического или психофизиологического и собственно физиологического акта, связана с особенностями отношений между механизмом функционирования органа этого акта и самим актом как результатом этого функционирования. Именно к сфере отношений между внутренней динамикой функционирования органа соответствующего процесса и итоговыми характеристиками самого процесса относятся критические признаки психических актов, составляющие "разностный порог" их первичного различия человеческим опытом. Такими опознавательными эмпирическими признаками являются следующие.

1. Предметность. Исходный критический признак какого-либо акта как психического эмпирически выражается прежде всего в существовании двух рядов фактов, совершенно по-разному выражающих отношение этого акта к внутренней динамике процессов, протекающих в его органе. Первый из этих рядов фактов неопровержимо свидетельствует о том, что любой психический процесс, как и всякий другой акт жизнедеятельности человеческого организма, неразрывно связан с функционированием какой-либо из его систем. И динамика этой системы или органа психической функции, будь то слуховой, тактильный или зрительный анализатор, мозг или нервная система в целом, может быть описана лишь в терминах тех внутренних явлений, которые в этом органе происходят. Иначе говоря, механизм любого психического процесса в принципе описывается в той же системе физиологических понятий и на том же общефизиологическом языке, что и механизм любого физического акта жизнедеятельности.

Однако, в отличие от всякого другого собственно физиологического акта (а это составляет суть второго ряда фактов), конечные, итоговые характеристики любого психического процесса в общем случае могут быть описаны только в терминах свойств и отношений внешних объектов, физическое существование которых с органом этого психического процесса совершенно не связано и которые составляют его содержание.

Так, восприятие или представление, являющиеся функцией органа чувств, нельзя описать иначе, чем в терминах формы, величины, твердости и т.д. воспринимаемого или представляемого объекта. Мысль может быть описана лишь в терминах признаков тех объектов, отношения между которыми она раскрывает, эмоция – в терминах отношений к тем событиям, предметам или лицам, которые ее вызывают, а произвольное решение или волевой акт не могут быть выражены иначе, чем в терминах тех событий, по отношению к которым соответствующие действия или поступки совершаются. Таким образом, процессуальная динамика механизма и интегральная характеристика результата в психическом акте отнесены к разным предметам: первая – к органу, вторая – к объекту.

Воспроизведение качеств одного объекта в другом, служащим его моделью, само по себе не включает еще уникальной специфичности психических явлений – оно встречается в различных видах и непсихических отображений. "Подобное воспроизводится подобным", – констатировали еще в древности. Это же относится и к воспроизведению некоторых пространственных свойств, таких, например, как форма.

Разные предметы – копия и оригинал – могут обладать одной и той же формой, величиной, цветом и т.д. Суть же рассматриваемого исходного критического признака психического процесса заключается в том, что, протекая в своем органе-носителе, этот внутренний процесс в его конечных, результативных параметрах скоен по образцам свойств внешнего объекта.

Продолжением или оборотной стороной, т.е. отрицательным проявлением этой "скоенности" внутреннего мира по моделям мира внешнего (эмпирически выражающейся в необходимости формулировать характеристики психических процессов лишь в терминах внешних объектов), являются и остальные общие особенности этих процессов.

2. Субъектность. Вторая специфическая особенность заключается в том, что в картине психического процесса, открывающей носителю психики свойства ее объектов, остается совершенно скрытой, не представленной вся внутренняя динамика тех сдвигов в состояниях органаносителя, которые данный процесс реализуют.

Как и в отношении первого исходного признака предметности, свидетельства индивидуального опыта о невключенности внутренних процессов, протекающих в анализаторе или в отделах мозга, в окончательную структуру восприятия, представления или мысли вполне подкрепляются данными опыта научного. Обогащение и конкретизация знаний о нервных процессах как ближайшем к психике звене механизма работы ее органа отчетливо показывают, что прямое построение многокачественной и предметно-структурированной картины восприятия, чувств или мысли с их устойчивыми инвариантными характеристиками из "материала" стандартных нервных импульсов или градуальных биопотенциалов и их динамики осуществлено быть не может.

Эмпирическое существо второго специфического признака психического процесса сводится, таким образом, к тому, что его итоговые, конечные параметры не могут быть сформулированы на собственно физиологическом языке тех явлений и величин, которые открываются наблюдению в органе-носителе. Эта неформулируемость характеристик психических процессов на физиологическом языке внутренних изменений в их субстрате является оборотной стороной их формулируемости лишь на языке свойств и отношений их объекта.

3. Чувственная недоступность. Эта чрезвычайно существенная и не менее загадочная эмпирическая особенность всех психических процессов, также связанная с соотношением их механизма и итоговой предметной структуры, феноменологически характеризуется тем, что психические процессы недоступны прямому чувственному наблюдению.

Своему носителю-субъекту психический процесс (восприятие или мысль) открывает свойства объекта, оставляя совершенно скрытыми изменения в субстрате, составляющие механизм этого процесса. Но, с другой стороны, изменения в субстрате, открытые с той или иной степенью полноты для стороннего наблюдателя, не раскрывают перед ним характеристик психического процесса другого человека.

Вопреки долго существовавшему в традиционной психологии мнению, они скрыты и от прямого чувственного восприятия субъекта, являющегося их носителем.

Человек не воспринимает своих восприятия, но ему непосредственно открывается предметная картина их объектов.

Внешнему же наблюдению не открывается ни предметная картина восприятия и мыслей другого человека, ни их собственно психическая "ткань", или "материал". Непосредственному наблюдению со стороны доступны именно и только процессы в органе, составляющие механизм психического акта.

Специфика и загадочность этой характеристики определяется тем, что другие встречающиеся в природе и технике виды предметных изображений в меру доступности их оригиналов чувственному восприятию доступны ему и сами. Механический отпечаток, фотографическое, телевизионное или киноизображение в такой же мере чувственно воспринимаемы, как и их объект. Более того, самая эта их чувственная доступность определяет их функцию и существо. Психический же процесс, воспроизводя картину предметной структуры своих объектов, сам по отношению к этой картине остается совершенно прозрачным и тем самым невоспринимаемым. Эта прозрачность и невоспринимаемость психического процесса составляет такой же его необходимый атрибут, как и, наоборот, воспринимаемость фотографического, скульптурного, сценического или другого изображения в технике, природе или искусстве.

4. Спонтанная активность. Следующая специфическая характеристика психического процесса, в отличие от предшествующих, определяет не прямое отношение к объекту или к его непосредственному субстрату, а выражение в поведенческом акте, во внешнем действии, побуждении, направляемом при посредстве психического процесса. Эта особенность, истоки которой глубоко скрыты под феноменологической поверхностью и связаны с далекими опосредствованиями во времени и пространстве, включает в себе совершенно особое своеобразие активности психического процесса.

Это та, эмпирически безошибочно распознаваемая, но с большим трудом поддающаяся строгому детерминистическому объяснению форма активности, которая не только "оживляет", но и "одушевляет" физическую плоть организма. Не что иное, как именно особый характер активности, лежит в основе первичного эмпирического выделения "одушевленных" существ (животных) как частной формы живых организмов.

Уникальный по сравнению с другими, более элементарными проявлениями активности характер этой особенности состоит в том, что на всех уровнях поведения – от простейшего локомоторного акта до высших проявлений разумности и нравственности в произвольном человеческом поступке – конкретные параметры структуры и динамики этого акта не могут быть непосредственно выведены ни из физиологических сдвигов внутри организма, ни из физических свойств воздействующих на него стимулов. Это и делает такую активность психической именно потому, что она прямо не вытекает ни из физиологии внутренних процессов организма, ни из физики, биологии и социологии его непосредственного внешнего окружения. Но вместе с тем, поскольку эта активность не является однозначной равнодействующей физиологических и физических сил, в ней нет жестко предзаданной и фиксированной во всех ее конкретных реализациях и деталях программы, и субъект может действовать "на много ладов" (Сеченов, 1996); психическая активность проявляется и эмпирически различается как активность свободная.

Феноменология психических проявлений

Такова основная феноменологическая картина тех критических признаков всякого психического процесса, которые различающая и классифицирующая мысль эмпирически обнаруживает непосредственно под внешней поверхностью его проявлений в доступных наблюдению актах жизнедеятельности и поведения организма. Познающая мысль использует эти признаки для выделения особого класса процессов, называемых психическими, скрыто или делая выводы по наблюдаемым и эмпирически фиксируемым проявлениям.

Исходная характеристика предметности проявляет себя в показаниях человека о том, как ему раскрываются объекты, т.е. именно в том, что они открываются ему не как следы или "отпечатки" внешних воздействий в его телесных состояниях, а именно как собственные свойства внеположных по отношению к нему предметов. Второй признак непредставленности или замаскированности субстрата устанавливается как отрицательное заключение из этих же фиксируемых собственным и чужим опытом показаний об объектах. Третий признак – чувственная недоступность – предполагает заключение, базирующееся на соотнесении картины личного опыта и стороннего наблюдения над жизнедеятельностью.

Наконец, последнюю характеристику – "свободную" активность психического – мысль фиксирует, заключая по доступным наблюдению внешним актам о скрытых за ними внутренних факторах. Во всех этих заключениях реализуются общие ходы мысли, выявляющие эмпирические характеристики всякого объекта познания, недоступного прямому наблюдению, скрытого под внешней поверхностью воспринимаемых феноменов. Описанные выше признаки являются симптомами, в совокупности составляющими тот основной "синдром", по которому опыт "диагностирует" особый класс функций и процессов и выделяет их в качестве психических. Таков исходный эмпирический пункт, от которого берет свое начало движение психологического познания вглубь реальности психических процессов.

Начинаясь с эмпирического различения и описания, оно движется к теоретическому обобщению, чтобы затем снова вернуться к эмпирической реальности, но уже объясняя, прогнозируя и на этой основе практически овладевая ею.
